

Илья Будрайтскис
Мир, который построил
Хантингтон, и в котором
живем все мы. Парадоксы
консервативного поворота
в России. М.: Издательство
книжного магазина
«Циолковский», 2020, 160 с.
ISBN 9785604367322

Дмитрий Лебедев

Аспирант

*Европейского университета в Санкт-Петербурге,
ул. Шпалерная, д. 1, Санкт-Петербург,
E-mail: dlebedev@eu.spb.ru*

Назад в будущее:
наступательный
консерватизм и «русский
кошмар»

Спустя пять лет после «Брексита» и четыре — после Трампа правый поворот в мировой политике не теряет актуальности. Его главные герои никуда не исчезли, а охватившая мир пандемия коронавируса дает достаточно пространства для усиления авторитарных и право-консервативных тенденций. Самым подходящим именем для этой волны выступил, как известно,

популизм — число колонок и академических статей о популизме в последние годы растет в геометрической прогрессии, однако этот эластичный и очень расплывчатый термин часто больше мешает, чем способствует анализу. Можно сколько угодно говорить о популизме как о новой идеологии, но складывать в одну корзину таких левых политиков, как Жан-Люк Меланшон или Берни Сандерс, и фигур правого лагеря, вроде того же Трампа, Бориса Джонсона или главного (по версии Демократической партии США) «хулигана» мировой политики Владимира Путина — дело как минимум сомнительное. Книга российского политического теоретика Ильи Будрайтскиса «Мир, который построил Хантингтон, и в котором мы живем» является попыткой рассмотреть именно правый поворот — но в первую очередь как наследие консервативной традиции с ее сложной и противоречивой историей.

Будрайтскис — известный в России не только интеллектуал, но и левый активист, так что работа является, очевидно, идеологически ангажированной и в целом относится к марксистской традиции идеологической критики (последний факт — это хорошие новости, если учесть праволиберальную интеллектуальную гегемонию в российской публичной сфере, по крайней мере, в ее оппозиционном регистре). «*Мир, который построил Хантингтон*» представляет собой не систематический теоретический труд, а серию эссе-интервенций в идеологическое пространство современного консерватизма в России и мире. Иначе говоря, мы здесь сталкиваемся не с упорядоченной теорией консерватизма, а, скорее, с серией смежных сюжетов, которые с разных сторон демонстрируют полифоничность и противоречивость консервативной политической традиции, генеалогию ее современных манифестаций, а также указывают на возможное пространство для действия левых сил.

Впрочем, указанное выше отсутствие систематичности не должно пугать: в некотором смысле оно оказывается уместным, так как через всю книгу красной линией проходит определение консерватизма как стиля мышления и минимального набора идеологических установок, внутренне противоречивых, не оформляющихся в целостную идеологию и возникающих в различных исторических контекстах. Будрайтскис открыто подчеркивает свои заимствования у Карла Маннгейма, определявшего консерватизм как «подвижный стиль мышления, который затем находит свое место в конкретной политике в самых разных политических и социальных условиях» (14). Постоянные возрождения консерватизма на протяжении последних как минимум двух веков, его периодические мутации и неожиданные идеологиче-

ские альянсы, например, с неолиберализмом, — результат этой подвижности, а также отсутствия прямой связи с практикой конкретных социальных групп (хотя консерватизм и было когда-то принято относить к идеологии аристократических слоев). Одновременно с этим консерватизм предстает как «набор установок», позволяющих говорить о преемственности исторических консерватизмов и их определенном идеологическом ядре, где ключевую роль играет антагонизм по отношению к структурирующему политику модерна опыту эгалитарной революции.

Консерватизм, таким образом, по самой внутренней логике предполагает два момента: плавающий и стабилизирующий. Эта двоякая структура прослеживается и в центральной оппозиции, которую Будрайтскис выделяет как главный исторический двигатель консерватизма: с момента своего зарождения в конце XVIII века консерватизм выступает и «как разумная осторожность, и как радикальная реакция» (10). Диалектика активного и пассивного моментов и придает консерватизму ту жизнеспособность, проявление которой мы можем наблюдать сегодня, когда «консерватизм, как сила разумного компромисса и политической стабильности, отступает перед напором консерватизма протеста и неудовлетворения существующим» (10). Понимание двойной, внутренне противоречивой и потому динамичной природы консерватизма, таким образом, дает подсказки к пониманию его современных мутаций и политической конъюнктуры, несводимой просто к «популистскому цайтгайсту». Характерно, что эта историческая динамика улавливается намного хуже в близком на первый взгляд логике рассуждений Будрайтскиса и ходовом сегодня определении популизма как «тонкой идеологии», разделяющей общество на морально чистый народ и коррумпированные элиты и вступающей в альянсы с более содержательными идеологическими формациями вроде национализма. Иначе говоря, благодаря обращению к сущности консервативной традиции мы сможем увидеть, как морализм правого популизма оборачивается активным, подрывным и анти-моральным консерватизмом — не тонкие идеологи популизма бросают вызов стабильным и идеологически нейтральным либеральным институтам, а неолиберальный консерватизм имени Тэтчер и Рейгана трансформируется за счет имманентного ему радикального и активного консерватизма.

Впрочем, именно момент имманентности в тексте остается иногда недостаточно проговоренным. С одной стороны, сегодняшний консерватизм знаменует качественный скачок: он примеряет на себя активную роль, критикуя универсалистские

претензии леволиберального дискурса с его правами человека и борьбой с дискриминацией меньшинств. Он признает не только естественность, но и необходимость существующих иерархий власти, а морализму либерального дискурса противопоставляет свой анти-морализм и открытый цинизм. С другой стороны, «циничный консерватизм становится политической результирующей эпохи неолиберализма. Он превращается в исторический материализм, перевернутый с ног на голову, призывая нас признать материальные, действительные отношения господства и подчинения не для того, чтобы их изменить, а для того, чтобы с ними раз и навсегда смириться» (30). Новый консерватизм как бы очищает неолиберальную политику от всяких «пережитков» политического либерализма вроде прав меньшинств и норм политической дискуссии. В связи с этим в книге с досадой констатируется отсутствие «наступательной антиморальной позиции» у левых (за редкими исключениями вроде заигрывания с заклеянным в США термином «социализм» со стороны Берни Сандерса, подрывающим, таким образом, дискурсивные нормы привычной политики). Однако вопрос о том, какую новую нормативность может предложить этот агрессивный антиморализм и в каком отношении он может находиться с текущей моралистской левой политикой, остается за пределами повествования.

Важно указать при этом, что мы имеем здесь дело с марксистским анализом, где критика идеологии неизбежно должна брать в расчет социо-экономическую реальность, связь политического конфликта и расширяющейся пропасти между *haves* и *have-nots*. Особенно четко эта связь прослеживается при анализе российской ситуации, аналогичном известной статье Венди Браун об «американском кошмаре» в виде симбиоза неоконсерватизма и неолиберализма (Brown 2006). Как показывает Будрайтскис, в российском контексте «язык “ценностного консерватизма” становится органичным выражением неолиберального содержания», так что «консервативный скепсис к доктринам, ограничивающим суверенитет во имя универсальных ценностей, оборачивается подозрением в лицемерии любых призывов к защите общественных интересов» (149). В итоге, путинский вариант политики строгой экономии и сворачивания социального государства базируется на ценностном консерватизме праволиберального рыночного субъекта. Обозначенный в начале нулевых Сергеем Прозоровым дуализм либерального и лево-патриотического консерватизма сегодня снимается — оба синтезируются в единый «русский кошмар», каким является окончательно утвердившийся после аннексии Крыма в 2014 году национали-

стический консерватизм Владимира Путина с его риторикой традиционных ценностей, духовных скреп и национал-предателей (Prozorov 2004).

Однако здесь возникает неизбежный вопрос о том, существует ли в этом симбиозе внутренняя иерархия и радикальные противоречия. Так, «близость либеральной критики рационализма к консервативным установкам в итоге служит лишь инструментализации последних», так что «священная для консерватора сила привычки превращается в рыночный инстинкт» (97). Но мы также можем предполагать — учитывая историческую гибкость консерватизма, — что на определенном этапе ценностный консерватизм может вступить в конфликт с рыночной матрицей и мутировать в вэлфер-шовинизм, сохраняющий социальное государство, но в первую очередь для этно-национального сообщества. Иначе говоря, иногда не до конца ясна степень устойчивости этого интернационального и контингентного симбиоза — что также является вопросом о возможных границах консервативного рывка назад в будущее.

Парадоксальным образом, ограничивает консервативную политику то же, что и лежит в ее основании — революционный опыт. Консервативный стиль мышления был ответом на тот опыт разрыва, каким оказалась Французская революция, и именно призрак революции продолжает структурировать и подпитывать консервативную мысль. Особенно наглядно это показано на примере современной России, где анти-революционность стала главной идеологической установкой власти. Опыт русских революций сегодня оказывается, с одной стороны, вытеснен из публичного поля, а с другой — интегрирован в гомогенный конструкт «исторической России», чья внутренняя государственническая правда оказывается всегда морально выше революционных мечтаний. Современные российские идеологи повторяют «главный консервативный тезис о революции, впервые прозвучавший более 200 лет назад — о несоответствии самосознания революции ее действительному значению» (119). Так обнаруживается паттерн, по которому движется консервативная мысль, когда она может не только служить инструментом для идеологий вроде неолиберализма, но и сама инструментализует антагонистичное по своим установкам наследие, лишает революционное событие его сингулярности и статуса разрыва, вытесняя саму фигуру учредительной власти. Однако «кто знает, возможно, именно эта стратегия и станет тем недостающим элементом для начала “игры”, которой верхи так стремятся избежать?» (111).

Впрочем, обозначить структурирующую роль идеи револю-

ции — не то же самое, что указать на условия ее действительной возможности. В этой связи можно, наконец, обратиться непосредственно к заглавию книги: что же за мир построил американский политолог Самюэль Хантингтон, мир в котором живет Путин и, в конечном счете, все мы? Будрайтскис ссылается на два текста Хантингтона. Во-первых, это эссе 1957 года «Консерватизм как идеология», в котором Хантингтон обозначает консерватизм как ситуативную идеологию, возникающую в период острых кризисов и берущую под защиту существующие институты (которые могут быть, например, либерально-демократическими) (Huntington 1957). Во-вторых — на знаменитый текст «Столкновение цивилизаций», предвосхищающий консервативную политическую картографию сегодняшнего дня, в основе которой «лежит идентичность, внеисторическая принадлежность к тому или иному сообществу» (153). Вместо либерально-демократического универсализма — цивилизации-анклавы со «стержневыми» государствами вроде России и Китая. В этой картине мира, которая так нравится «сильным лидерам» вроде Путина и Моди, политический проект Просвещения буксует, — никакой больше революционности, кроме как ее суррогата в виде наступательного консерватизма с его цинизмом и реакционной моралью. И, собственно, именно в этом пункте оказывается необходимой инъекция марксизма. Как пишет Будрайтскис, «критикой Просвещения и революции с диаметрально противоположных позиций открывается долгий и до сих пор незавершенный диалог марксизма и консерватизма» (26). Оба возвышаются в ходе кризисов — а сегодня мир, так и не оправившийся от последствий финансового краха 2008 года, оказался в тисках пандемии — но предлагают радикально иные ответы на гнетущий катастрофизм своей эпохи. «Мир, который построил Хантингтон» — это появившаяся очень вовремя критика несостоятельности консервативного ответа, которая, как хочется надеяться, послужит продолжению и интенсификации обозначенного в тексте диалога марксизма и консерватизма.

Библиография

- Brown, Wendy (2006). "American Nightmare: Neoliberalism, Neoconservatism, and Democratization." *Political Theory* 34, № 6 (2006): 690–714.
- Huntington, Samuel (1957). "Conservatism as an Ideology." *The American Political Science Review* 51, № 2 (1957): 454–473.
- Prozorov, Sergei (2004). "Russian Conservatism in the Putin Presidency: The Dispersion of a Hegemonic Discourse." *Econstor*. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/84604/1/DIIS2004-20.pdf>.